

случае идеограмму, обозначающую «ячмень», нельзя считать заглавной записью (как бы вынесенная за скобки, заглавная запись принципиально не допускает своего повторения внутри скобок). По-видимому, заглавная запись ставилась только в конце самостоятельного раздела.

11

Хотя с точки зрения расположения записей на табличке поздние протоклинописные тексты не очень существенно отличаются от ранних, тем не менее различия наблюдаются. Так, поздние тексты более пространны и в некоторых случаях насчитывают особенно большое количество знаков (PI, 73), в связи с чем усложняется структура текстов. Характерные для раннего периода развития протоклинописи небольшие документы, состоящие из одной, двух или трех строк, почти полностью исчезают.

Существенно различаются по своей структуре протоклинописные и клинописные тексты. Главное, на что следует указать, — это отсутствие в клинописных текстах столбцов и употребление вместо двух — горизонтального и вертикального — поворотов одного — только вертикального. Оба эти изменения наблюдаются уже в архаических клинописных текстах из Ура, которые хронологически следуют за текстами II слоя Урука,

А. А. Вайман

THE FORMAL CHARACTERISTICS OF PROTO-SUMERIAN TEXTS

by A. A. Vaiman

The author analyses proto-Sumerian (protocuneiform) texts of the late IV and early III millennia B. C. He describes methods of grouping signs on a tablet, combining them in lines, rows and columns, the direction of the writing, the marking off of independent sections, the placing of headings, the distinction between the obverse and reverse sides of a tablet, the rules for carrying a text from one side to the other.

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРЫ
СЕВЕРНОЙ БАКТРИИ

(«Бактрийский миф» и археологическая действительность)

По свидетельству античных авторов Бактрия была сильной и могущественной страной, в которой еще в VIII в. до н. э. сложилось самостоятельное государство. Эта традиция в основном восходит к Ктесию Книдскому (430—354 гг. до н. э.), жившему при дворе Артаксеркса. Наиболее полно она отражена в сочинении Диодора (II, 2—7), повествующего о походе ассирийского царя Нина на Бактрию, где Нин женился на Семирамиде¹. По рассказу Диодора, Нин, зная, что Бактриана труднодоступна, многолюдна и заселена воинственными людьми и что в ней имеется множество укрепленных мест, собрал огромное войско, но вначале потерпел поражение от бактрийского царя Оксарта в битве у выхода из горных ущелий на равнину. Однако затем он принял новое наступление и осадил столицу Бактрианы — город Бактры — «среди большого количества крупных городов в Бактриане» Бактры были «замечательным, превосходившим всех величиной и неприступностью крепости». Длительная осада

¹ Семирамида (Саммурабат) правила после 810 г. до н. э. (Hildegard Lewy, Nitokris — Nagia, JNES, XI, 4, 1952, стр. 264 сл.).

Бактр увенчалась успехом только благодаря хитрости Семирамиды, захватившей акрополь. Бактрийский царь погиб, столица была взята и «Нин захватил сокровища Бактрии, состоявшие из большого количества золота и серебра». Кроме Диодора, об этих событиях повествуют Помпей Трог (ар. Iust., I, 1, 2) называющий бактрийским царем пророка Зороастра, Евсевий, Арриан (Anab. VI, 24). Ксенофонт (Суг. I, 5, 2) считает, что война с Бактрией происходила при ассирийском царе Киаксаре. Геродот ничего не сообщает об этой войне, но, описывая завоевания Кира, упоминает бактрийцев как самых серьезных противников Ахеменидов, наряду с Вавилоном, саками и египтянами (I, 153).

Излагая историю борьбы Кира с Бактрией, Ксенофонт (Суг. VI, 1, 3) упоминает бактрийского царя. О сражении бактрийского царя с Киrom говорится и в отрывке из Ктесия, сохранившемся в переложении средневекового историка Фотия (XXII, 106). На основании этих свидетельств античных авторов у исследователей в XIX в. сложилось мнение о существовании Бактрийского царства еще в доахеменидскую эпоху. Этой точки зрения придерживались В. Гейгер², Э. Райш³, Т. Нольдеке⁴, Ж. Прашек⁵.

В. В. Бартольд, признавая существование доахеменидского государства в Бактрии, полагал, что сведения Ктесия Книдского основаны на среднеазиатской эпической традиции⁶. Советские исследователи С. П. Толстов⁷, М. М. Дьяконов⁸, И. М. Дьяконов⁹, В. М. Массон¹⁰, В. А. Лившиц¹¹ также признают возможность существования государственного объединения в Средней Азии в доахеменидский период и существование здесь городских центров во главе со столицей Бактрианы — Бактрами.

На поиски несметных богатств Бактр в 1921 г. отправилась французская археологическая миссия¹². Однако на городище Балха не были открыты ни дворцы, ни богато украшенные скульптурами храмы. И тогда, отказавшись от проведения планомерных раскопок, пренебрегая массовым археологическим материалом, А. Фуше объявил, что древняя Бактрия — это не более, чем мираж, а развитие этой страны — лишь результат смены завоевателей, приписавших готовую культуру, которая гибла затем под ударами кочевников¹³.

К настоящему времени систематические целенаправленные раскопки советских исследователей и тщательный анализ массового материала привели к откры-

² W. Geiger, *Ostiranische Kultur im Altertum*, Erlangen, 1882, стр. 66 сл., он же, *Civilization of the Ancient Iranians in Ancient Times*, L., 1885, стр. 45.

³ E. Reisch, *Baktrianoi*, RE, II, 1896.

⁴ T. Nöldeke, *Iranisches Nationalopos*, Grundriss der Iranische Philologie, II, 1896—1904, стр. 141 сл.

⁵ J. Prášek, *Geschichte der Meder und Perser bis zur makedonische Eroberung*, I, Gotha, 1906, стр. 50—54.

⁶ В. В. Бартольд, К истории персидского эпоса, ЗВОРАО, XXII, 1915, стр. 258—259. Эту точку зрения разделяет К. В. Тревер («История народов Узбекистана», т. I, кн. 1, Ташкент, 1955, стр. 41). Подтверждением этой гипотезы может служить сообщение Арриана (Anab. VI, 24) о том, что спутники Александра Македонского слышали рассказы об индийском походе Семирамиды.

⁷ С. П. Толстов, Основные вопросы древней истории Средней Азии, ВДИ, 1938, № 1, стр. 183.

⁸ М. М. Дьяконов, Сложение классового общества в Северной Бактрии, СА, XIX, 1954, стр. 121—140; он же, Очерк истории древнего Ирана, М., 1961, стр. 63—64, 75, 366.

⁹ И. М. Дьяконов (История Мидии, М. — Л., 1956, стр. 169), критически относясь к данным Ктесия, допускает вероятность событий легенды.

¹⁰ В. М. Массон, Проблема древней Бактрии и новый археологический материал, СА, 1958, № 2, стр. 49—65; он же, Древнеземледельческая культура Маргианы, МИА, № 73, 1959, стр. 62; В. М. Массон, В. А. Ромодин, История Афганистана, М., 1964, стр. 47—50.

¹¹ «История таджикского народа», под ред. Б. Г. Гафурова и Б. А. Литвинского, I, М., 1963, гл. III.

¹² A. Foucher, *La vieille route de l'Inde de Bactres à Taxila*, MDAFA, I, P., 1942.

¹³ Там же, стр. 77—81. Критика примененной методики раскопок дана А. М. Мандельштамом («О некоторых результатах работ французской археологической миссии в Афганистане», СА, XXI, 1954, стр. 415—429).

тию на территории Северной Бактрии археологических памятников, которые позволяют вновь вернуться к рассмотрению бактрийской проблемы и реконструировать историю этой области, начиная с эпохи бронзы ¹⁴ (см. прилагаемую синхронистическую колонку культур Северной Бактрии).

Первые сведения о культуре Бактрии в эпоху бронзы были опубликованы еще в 1948 г. А. И. Тереножкиным, издавшим бронзовые топоры из Таджикистана и несколько

Дата	Этап	К у л ь т у р ы	
		Земледельческие	Скотоводческие
	Кобадриан I	Кала-и мир Кучук III	Раннесакская
1000	Эпоха варварской оккупации	Памятники традиции Намазга VI	Кучук II Бишкентская
1500	Намазга III	Кучук I Сапал ↓	Срубно- андроновская
2000	Намазга V		
2500	Намазга IV	Керки	

Синхронистическая колонка культур Северной Бактрии

сосудов ¹⁵. Исследование позволило датировать их концом III — началом II тыс. до н. э. и установить, что топоры-тесла относятся к числу орудий, характерных для широкой зоны древнеземледельческих культур ¹⁶. Есть сведения о находке в дельтах Тупаланг-дарьи и Сангардак-дарьи керамики, кремневых стрел и копий, бронзовых топоров-тесел, ножей и серпов ¹⁷ — орудий, характерных для земледельческой зоны. Их появление в среднеазиатском междуречье позволило сделать вывод о культурном воздействии древнеземледельческой цивилизации ¹⁸. Последующие открытия подтвердили правильность этой гипотезы.

¹⁴ Со времени публикации последних исследований о Бактрии («История таджикского народа», В. М. Массон, В. А. Ромодин, ук. соч.) появился большой материал, позволяющий по-новому осветить эту проблему, на что указал Б. Г. Гафуров («Кушанская эпоха и мировая цивилизация», «Международная конференция по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху», М., 1968, стр. 4—6).

¹⁵ А. И. Тереножкин, Археологические находки в Таджикистане, КСИМК, 20, 1948, стр. 75—76, рис. 37—38.

¹⁶ Б. А. Литвинский, О топорах эпохи бронзы из Таджикистана, ИООН АН ТаджССР, 1 (24), 1961, стр. 59, рис. 1, 2; Е. Е. Кузьмина, Металлические изделия энеолита и бронзового века Средней Азии, САИ, В—4—9, М., 1966, стр. 14—16; Е. Е. Кузьмина, А. В. Виноградов, Литейные формы из Лявлякана, СА, 1970, № 2.

¹⁷ М. Е. Массон, Прикладные задачи в археологии и их тематика в Средней Азии, Ташкент, 1937, стр. 11—12.

¹⁸ Кузьмина, Металлические изделия ..., стр. 89—90.

Древнейшим памятником земледельческой культуры в Бактрии является поселение, открытое на правом берегу Аму-Дарьи в районе гор. Керки, где обнаружена керамика типа Намазга IV¹⁹. Дальнейшее развитие древнеземледельческой культуры Бактрии прослеживается по материалам открытого Л. И. Альбаумом и изучаемого Л. И. Альбаумом и А. А. Аскарковым поселения Сапал-Тепе, расположенного к западу от Термеза²⁰. Население занималось земледелием и скотоводством (найжены злаки и кости животных). Дома сооружались из блоков пахсы и крупноформатного прямоугольного кирпича. Керамика изготовлялась на гончарном круге быстрого вращения и покрывалась белым ангобом. Вплоть до полной публикации памятника проблемы происхождения и хронологии его не могут быть решены, однако изданный Л. И. Альбаумом материал настолько выразителен, что уже сейчас можно говорить о безусловной близости керамического комплекса Сапал-Тепе с южнотуркменским. Л. А. Альбаум сопоставляет его с комплексами Намазга V и VI. Опубликованный материал скорее позволяет говорить пока главным образом о времени ранней Намазга VI. Среди туркменских памятников наибольшую близость по формам представляет Аучин-депе. Здесь то же характерное сочетание кубков с изгибом у венчика, крынок, чайников, ваз на высоких ножках, сосудов с остро-реберным туловом на неустойчивой ножке и подставок для них²¹.

Вопрос об этнической принадлежности обитателей Сапал-Тепе ставить еще преждевременно. Однако пристального внимания заслуживает распространение в Бактрии катакомбного обряда погребения²². Для населения Южного Туркменистана этот обряд не характерен: в пору Намазга V погребения совершались на поселениях в погребальных камерах или грунтовых ямах под полом²³; в эпоху Намазга VI сохранялся тот же обряд²⁴ и появились грунтовые могильники вне поселения, где покойники положены в яме (Янги-Кала²⁵, могильник у троллейбусного парка в Ашхабаде²⁶). Между тем, обряд погребения в катакомбах, правда, не на площади поселения, а в обособленном могильнике, был типичен для степного населения среднеазиатского междуречья уже с III тыс. до н. э., как это установлено раскопками Я. Г. Гулямова на могильнике Заман-Баба²⁷, и сохранялся в среднеазиатском междуречье до эпохи поздней бронзы, когда погребения в катакомбах зафиксированы в могильниках Бактрии Тулхар²⁸, Тигровая балка²⁹ и др. Не наводит ли эта особенность погребального риту-

¹⁹ Приношу благодарность А. А. Марущенко, сообщившему мне об этом открытии.

²⁰ Л. И. Альбаум, Памятник эпохи бронзы на территории Сурхан-Дарьи, «Общественные науки в Узбекистане», 1969, № 5, стр. 46—47; В. Соснин, Один день в бронзовом веке, «Комсомолец Узбекистана», № 101 (6031), 23 мая 1969 г.

²¹ Альбаум, ук. соч., стр. 46, рис. 2; Соснин, ук. соч., фото, ср. с посудой Аучин-депе (В. М. Массон, Древнеземледельческая культура Маргианы, табл. I—III).

²² Соснин, ук. соч.

²³ В. И. Сарияндиди, К. А. Качурис, Раскопки на Улуг-депе, АО, 1967, М., 1968, стр. 343; В. И. Сарияндиди, Продолжение работ на Улуг-депе, АО, 1968, М., 1969, стр. 435; В. М. Массон, Монументальная архитектура Алтын-депе, АО, 1967, М., 1968, стр. 345; он же, Четвертый сезон раскопок на Алтын-депе, АО, 1968, М., 1969, стр. 435. Однако, как любезно сообщил мне А. А. Марущенко, им было исследовано на Алтын-депе несколько катакомбных захоронений, отличавшихся особым богатством инвентаря.

²⁴ В. М. Массон, Проблема древней Бактрии и новый археологический материал, стр. 62; он же, Древнеземледельческая культура Маргианы, стр. 14—19; Сарияндиди, Качурис, ук. соч., стр. 345, Сарияндиди, ук. соч., стр. 434.

²⁵ А. Ф. Ганялин, Погребения эпохи бронзы у с. Янги-кала, ГЮТАКЭ, VII, Ашхабад, 1956.

²⁶ Обследован А. А. Марущенко; Кузьмина, Металлические изделия ..., стр. 99.

²⁷ Я. Г. Гулямов, Археологические работы к западу от Бухарского оазиса ТИИА АН УзССР, вып. 8, Ташкент, 1956; Е. Е. Кузьмина, Могильник Заман-баба, СЭ, 1958, № 2; Я. Г. Гулямов, У. Исламов, А. Аскар, Первобытная культура в низовьях Зерафшана, Ташкент, 1966.

²⁸ А. М. Мандельштам, Памятники «степного» круга эпохи бронзы на юге Средней Азии, в кн. «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы», М.—Л., 1966; он же, Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане, МИА, № 145, 1968.

²⁹ Б. А. Литвинский, Таджикистан и Индия, в сб. «Индия в древности», М., 1964, стр. 158; он же, Археологические открытия в Таджикистане за годы Со-

ала на мысль о том, что обитатели Сапал-Тепе не были просто иммигрантами из Южной Туркмении, двинувшимися на освоение новых плодородных земель, но что среди жителей поселка было и аборигенное население, для которого катакомбный обряд был традиционен, и это население восприняло шедший с Запада импульс и освоило занятие земледелием и технику домостроительства, гончарства и металлообработки?

Как бы то ни было, в середине II тыс. до н. э. в Бактрии уже была распространена земледельческая культура, по своему облику и уровню близкая южнотуркменской. Эта земледельческая культура развивалась на протяжении всей эпохи Намазга VI, что доказывается произведенными Л. А. Альбаумом раскопками на Кучук-Тепе. Нижний слой этого памятника дал керамику типа поздней Намазга VI, близкую к мургабской³⁰. Материалы времени Намазга VI обнаружены также в результате разведок Узбекисанской искусствоведческой экспедиции (руководитель Г. А. Пугаченкова) в Шурчинском р-не Сурхан-Дарьинской обл. в 1970 г.³¹. Здесь было открыто поселение Муллолито-тепе в полутора километрах от него грунтовой могильник, содержащий скорченные погребения в могилах, обложенных кирпичом. При погребенных были положены бронзовое зеркало, бусы, разнообразные украшения, каменная скульптура головы мужчины. Керамика — светлоглиняная и краснолощенная — изготовлена на гончарном круге. Найдены горшки, чаши, миски, вазы на ножках. Ближайшую аналогию погребальный обряд и керамический комплекс Миршаде находят в могильнике Янги-Кала в Туркмении.

В Бактрии, как и в Маргиане и Парфии³², во второй половине II тыс. до н. э. земледельческое население обитало в соседстве со скотоводческим, принадлежавшим к срубно-андроновскому кругу евразийских степных культур. Наличие этих групп населения устанавливается по обнаруженным на Восточном Памире материалам могильника Кзыл-Рабат, конструкции каменных выкладок Кокуйбель-Су³³, культурному слою грота Куртеке, содержавшему керамику типа среднеазиатских степных культур и бронзовые стрелы³⁴. Лепная керамика с ямочно-ребенчатый декором была найдена и южнее — у Джиликульской переправы³⁵. Те же племена обитали и в Южной Бактрии: находки лепной посуды с геометрическим резным и штампованным орнаментом были сделаны в 1968 г. Б. А. Литвинским и И. Т. Кругликовой у поселения Ой-Ханум, а в 1969 г. — А. В. Виноградовым на ряде стоянок в Северном Афганистане³⁶.

Ни длительность обитания этих скотоводческих племен на территории Бактрии, ни характер их взаимоотношений с земледельческими племенами пока не выяснены. В конце II тыс. до н. э. в Бактрии происходит резкая смена населения и появляется группа племен — носителей культуры расписной керамики эпохи варварской оккупации. К этой эпохе относится основной (II) слой исследованного Л. И. Альбаумом поселения

ветской власти и некоторые проблемы древней истории Средней Азии, ВДИ, 1967, № 4, стр. 122—126.

³⁰ Л. И. Альбаум, Поселение Кучук-Тепе в Узбекистане, «Материалы археолого-этнографической сессии 1964 г.», Баку, 1965, стр. 59—60; о н же, К датировке верхнего слоя поселения Кучук-Тепе, ИМКУ, вып. 8, Ташкент, 1969.

³¹ Г. А. Пугаченкова, Что таишь в себе Муллолито-тепе? «Правда Востока», окт. 1970 г., № 233 (16382); она же, Археологические исследования Узбекской искусствоведческой экспедиции, АО 1970, М., 1971, стр. 421 сл. Приношу искреннюю благодарность Г. А. Пугаченковой, ознакомившей меня с еще не опубликованными материалами и разрешившей на них сослаться.

³² Е. Е. Кузьмина. О южных пределах распространения степных культур эпохи бронзы Средней Азии, в сб. «Памятники каменного и бронзового веков Евразии», М., 1964.

³³ Б. А. Литвинский, Археологические открытия на Восточном Памире и проблема связей между Средней Азией, Китаем и Индией в древности, «Доклады на XXV Международном конгрессе востоковедов», М., 1960, стр. 1; о н же, История и культура восточной части Средней Азии от поздней бронзы до раннего средневековья. Автореф. докт. дисс. М., 1969, стр. 13.

³⁴ Кузьмина, Металлические изделия ..., стр. 102, табл. VI, 53, 62; В. А. Рачков, Следы писаниц в навесе Куртеке, ИВГО, т. 96, вып. 1, 1964.

³⁵ «История таджикского народа», I, стр. 501.

³⁶ Приношу благодарность Б. А. Литвинскому и А. В. Виноградову, сообщившим мне об этих находках.

Кучук-Тепе у Термеза ³⁷. Материальная культура обитателей поселка сходна с культурой эпохи варварской оккупации Туркменистана, исследованной в Анау ³⁸. Елькен II ³⁹, Улуг-депе ⁴⁰, Яз I ⁴¹. Керамика изготовлена от руки, иногда на матерчатом шаблоне. Формы сосудов, среди которых многочисленны горшки с шаровидным туловом, цветовая гамма росписи (красно-коричневой краской по светлому фону), типы бронзовых двулопастных втульчатых стрел напоминают язденинские. Существенно сходство с чустской культурой Ферганы. Хотя цвет росписи различен, целый ряд форм совпадает и, что особенно важно, сходны некоторые специфичные типы орудий труда, в частности каменные ножи, находящие аналогии в Центральной Азии ⁴². Материалы Кучук-Тепе дают основания рассматривать культуру эпохи варварской оккупации Бактрии, Маргианы и Парфии и чустскую культуру Ферганы как явления одного порядка в общем культурно-историческом процессе.

Памятники расписной керамики Средней Азии находят соответствия в материалах Афганистана ⁴³. В Мундигаке Ж. М. Казаль отмечает близость цветовой гаммы и ряда мотивов росписей посуды V слоя с Чустом ⁴⁴, а В. М. Массон подчеркивает сходство керамики VI слоя с Яз-депе I ⁴⁵. Труднее судить о степени близости с посудой Нади-Али, поскольку материал опубликован неполно ⁴⁶. Отличаясь рядом существенных деталей, все эти памятники объединяются не только наличием расписной керамики.

По вопросу о происхождении этих вариантов культур были высказаны различные гипотезы. Ж. М. Казаль, сопоставляя культуру Мундигак V с чустской, полагает, что катастрофа, приведшая к гибели земледельческой культуры в Арахози, исчезновению здесь гончарного круга, разрушению дворца цитадели, связана с миграцией скотоводческих племен из Ферганы ⁴⁷. Однако культура Мундигак V, датирующаяся серединой — второй половиной II тыс., древнее чустской и потому не может генетически к ней восходить.

Что касается культуры эпохи варварской оккупации Туркмении, то В. М. Массон подчеркивает, что по основным культурным и хозяйственным признакам она продолжает предшествоющие традиции ⁴⁸. Другие исследователи (А. А. Марущенко ⁴⁹, А. Ф. Ганялин ⁵⁰, С. П. Толстов и М. А. Итина ⁵¹) считают, что на ее формирование

³⁷ Альбаум, Поселение Кучук-тепе, стр. 59; он же, К датировке..., стр. 70, 73, 78, 79; В. М. Массон, На пороге раннеклассового общества, в сб. «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы», М.—Л., 1966, стр. 189—190.

³⁸ R. P u m p e l l y, Explorations in Turkestan, I, Washington, 1908, стр. 49, 149, рис. 235—236.

³⁹ А. А. Марущенко, Елькен-депе, ТИИАЭ АН ТуркмССР, V, Ашхабад, 1959, стр. 54—56, 62—65.

⁴⁰ Сарияниди, Качури с, ук. соч., стр. 345; Сарияниди, ук. соч., стр. 434.

⁴¹ В. Массон, Древнеземледельческая культура Маргианы, стр. 34—38, табл. XVII—XXIX.

⁴² Chên g Te-K'u n, Archaeology in China, II Cambr., 1960, стр. 93—96.

⁴³ Советско-афганской экспедицией расписная керамика эпохи поздней бронзы была найдена на исследовавшемся в 1969 г. поселении Тилля-Тепе — И. Т. Кругликова, В. И. Сарияниди, Итоги работ советско-афганской экспедиции, «Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1969 г.», М., 1970, стр. 31; они же, Археологические исследования в Северном Афганистане, АО 1970, М., 1971, стр. 457.

⁴⁴ J. M. C a s a l, Fouilles de Mundigak, MDAFA, t. XVII, P., 1961, v. I, стр. 104—119, v. II, рис. 106—123; рец. В. М. Массон, СА, 1964, № 4, стр. 229—231.

⁴⁵ В. Массон, Ромодин, ук. соч., стр. 43.

⁴⁶ R. Chirshman, Fouilles de Nad-i-Ali dans le Seistan Afghan, «Revue des arts asiatiques», 1939, № 1, стр. 10—22; R. Ghirshman, Recherches prehistoriques dans la partie Afghan du Seistan, MDAFA, VIII, P., 1959, стр. 39—48.

⁴⁷ C a s a l, ук. соч., стр. 104, 119.

⁴⁸ В. М. Массон, История Туркменской ССР, т. I, кн. 1, Ашхабад, 1957, стр. 50—51, он же, На пороге..., стр. 189.

⁴⁹ Марущенко, ук. соч., стр. 56, 64, 70.

⁵⁰ А. Ф. Ганялин, Текке-Тепе, ТИИА АН ТуркмССР, 2, Ашхабад, 1956, стр. 84, 86.

⁵¹ С. П. Толстов, М. А. Итина, Проблема суярганской культуры, СА, 1960, № 1, стр. 33—34.

оказали решающее воздействие тазабагъябско-срубно-андроновские племена. Их стоянки открыты на окраине песков, а фрагменты степной керамики найдены в культурном слое поселений Намазга VI (Анау, Елькен I, Тахирбай, Аучин, Теккем, Намазга) ⁵², что давало основание связать гибель культуры Намазга VI с этими племенами и видеть их прямых потомков в носителях культуры эпохи варварской оккупации, непосредственно сменивших население Намазга VI.

Однако детальное изучение керамики и анализ технологии ее производства позволяют сделать вывод о том, что варианты культуры эпохи варварской оккупации генетически не связаны ни с культурой Намазга VI, ни с культурами срубно-андроновского круга. От посуды Намазга VI керамика эпохи варварской оккупации отличается принципиально почти полным исчезновением гончарного круга, применение которого имело многовековую традицию, сменой ведущих форм сосудов, появлением росписи. Столь существенные различия в культуре нельзя признать результатом эволюционного развития и следствием изменения хозяйства. Не менее принципиальны и отличия от посуды срубно-андроновской. Последняя изготавливалась техникой ленточного налепа: сосуды баночной или горшковидной формы, часто с ребром-уступом, имели характерные пропорции: диаметр открытого горла был почти равен наибольшему диаметру тулова. Наружная поверхность одноцветная, орнамент резной или штампованный.

Закономерное развитие срубной и андроновской керамики приводит к сложению не комплекса эпохи варварской оккупации, а ивановского ⁵³ (позднесрубного) и алексеевского ⁵⁴ (позднеалакульского) комплексов, характеризующихся сохранением тех же традиций гончарства техникой налепа: пропорции сосудов несколько меняются, но сохраняются как баночные, так и горшковидные с ребром формы, развитие орнамента идет по пути упрощения композиции и увеличения роли гладкого штампа и резьбы ⁵⁵, но ведущие мотивы узора сохраняются, появляется орнаментация налепными валиками — прием, типичный для посуды этого времени широкого ареала Евразии.

Технология изготовления керамики эпохи варварской оккупации не имеет ничего общего со срубно-андроновской: сосуды изготавливаются из комка глины, горшки имеют шаровидное тулово и узкое горло, наружная поверхность ангобирована, орнамент нанесен росписью. Перед нами две принципиально отличные керамические традиции, и, следовательно, выдвигавшаяся гипотеза о генетической связи срубно-андроновских племен с носителями культуры эпохи варварской оккупации должна быть отвергнута.

Культура эпохи варварской оккупации, в том числе и ее бактрийский вариант, сложилась на иной основе. При решении проблемы ее происхождения должно быть обращено внимание на сходство технологии гончарного производства с комплексами

⁵² Кузьмина, О южных пределах..., И. Н. Хлопин («Раскопки Намазга-депе», стр. 350; «Проблемы происхождения культуры степной бронзы», КСИА, вып. 122, 1970, стр. 57—58) отрицает принадлежность лепной керамики скотоводческим племенам и считает, что кухонная лепная посуда продолжает древние земледельческие традиции. Это мнение, на наш взгляд, ошибочно, так как на поселениях времени Намазга VI отчетливо выделяются две группы лепной керамики: серая из глины с мелкими примесями не орнаментированная кухонная посуда, действительно изготовленная земледельцами и продолжающая древние традиции, и принципиально отличная от нее, изготовленная ленточной техникой темно-серого и коричневого цвета обжиг посуда из глины с большой примесью песка и дресвы с геометрическим орнаментом, полностью аналогичная керамике степных стоянок подгорной полосы. Именно эту вторую группу керамики имели в виду автор и другие исследователи, предполагавшие инфильтрацию скотоводческих племен в земледельческую зону Туркмении.

⁵³ О. А. Кривцова-Гракова, Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы, МИА, № 46, 1955, стр. 26—49.

⁵⁴ Она же, Алексеевское поселение и могильник, Труды ГИМ, XVII, М., 1948, стр. 126—147.

⁵⁵ Е. Е. Кузьмина, Относительная хронология андроновских поселений Еленовского микрорайона, СА, 1965, № 4; она же, Технология изготовления андроновской керамики (в печати).

Бегазы-Дандыбай ⁵⁶, проявляющееся в одинаковом способе формовки сосудов, единстве пропорций ведущей керамической формы — горшков с шаровидным туловом — и тождестве некоторых мотивов орнаментации ⁵⁷. Однако то, что узор выполнен в одном случае штампом, в другом — росписью, не позволяет переоценивать степень близости этих керамических комплексов. Принципиально различен и погребальный обряд: монументальные сложноплановые каменные сооружения бегазинско-дандыбаевских племен, в которых погребения часто совершены по обряду трупосожжения, не имеют ничего общего со скорченными захоронениями на площади поселка, практиковавшимися носителями культуры эпохи варварской оккупации.

С другой стороны, следует подчеркнуть, что в Афганистане прослеживается длительное развитие грубой лепной расписной керамики ⁵⁸. Она появляется в Мундигаке в V слове, задолго до времени Чуста, Анау эпохи варварской оккупации, Елькен II, Яз I и Кучук II. Ожидать сложения комплекса эпохи варварской оккупации в Парфии, Маргиане и Северной Бактрии в пору Мундигак V не приходится, так как стратиграфически установлено распространение здесь во второй половине II тыс. до н. э. культуры Намазга VI. Следовательно, либо основная часть носителей чустской культуры и культуры эпохи варварской оккупации пришла с юга, где многовековое развитие некоторых черт этих культур уже прослежено, хотя генезис не установлен, так как комплекс Мундигак V не имеет тесной связи с предшествующим, либо культуры с расписной керамикой сложились в северных областях Средней Азии (в частности, в Фергане и еще дальше — в Восточном Туркестане), а памятники второй половины II тыс. до н. э. здесь нами пока еще не найдены ⁵⁹. В период поздней бронзы наряду с пришлыми племенами носителей культуры эпохи варварской оккупации в Бактрии обитали и другие племена, отличные по своему генезису и материальной культуре. А. М. Мандельштамом в Бишкентской долине были исследованы их могильники.

В могильнике Аруктау погребения совершены внутри круглых или прямоугольных каменных оград под каменным перекрытием. Покойники лежат скорченно, головой на восток и сопровождаются не орнаментированными лепными горшками и мисками; найдено также несколько гончарных сосудов и металлические изделия ⁶⁰. В могильнике Тулхар А. М. Мандельштамом прослежено три варианта погребального обряда: (I) яма с углублением, содержащая трупосожжение; (II) яма со спуском и (III) катакомба со ступенчатым дромосом, содержащие скорченные погребения. В могилах найдена лепная не орнаментированная керамика, а в последних двух группах — также импортная посуда, сделанная на гончарном круге, и лепная, по форме напоминающая посуду Намазга VI ⁶¹ (см. табл. 2). Характеристика выделяемой А. М. Мандельштамом по материалам Тулхарского могильника особой бишкентской культуры дана с такой исчерпывающей полнотой, что нет нужды подробнее останавливаться на этом вопросе. Важно лишь отметить, что культура эта была достаточно широко распространена на территории Бактрии. Ей же принадлежат исследованные Б. А. Литвинским могильники Тигровая балка, Ойкуль и др., которые Б. А. Литвинский относит к вахшской куль-

⁵⁶ Л. Р. Кызласов, А. Х. Маргулан, Плиточные ограды могильника Бегазы, КСИИМК, вып. 32, 1950; М. П. Грязнов, Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане, СА, XVI, 1952; А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадрыбаев, А. М. Оразбаев, Древняя культура Центрального Казахстана, Алма-Ата, 1966, гл. III.

⁵⁷ Существенно отметить, что на посуде эпохи варварской оккупации в Парфии известен декор вдавлениями закругленного штампа в виде ряби из подковок, типичный для бегазинско-дандыбельской посуды (Марущенко, ук. соч., стр. 64).

⁵⁸ На поселении Тилля-Тене слои с расписной керамикой достигают нескольких метров, что указывает на длительное развитие культуры.

⁵⁹ На это, в частности, могли бы указывать отмечавшиеся связи с бегазинско-дандыбаевским комплексом и аналогии каменным ножам Чуста и Кучук-Тене в Восточном Туркестане.

⁶⁰ Мандельштам, Памятники «степного» круга эпохи бронзы..., он же, Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане.

⁶¹ Там же.

туре⁶². Во избежание терминологической путаницы от последнего термина, на наш взгляд, лучше отказаться и объединить все однокультурные могильники под общим названием «бишкентская культура» (по месту первооткрытых памятников).

В свете работ А. М. Мандельштама стало возможно установить и культурную, и хронологическую принадлежность некоторых материалов из случайных находок на территории Таджикистана, которые были давно известны, но не могли быть правильно интерпретированы. А. И. Тереножкиным были опубликованы три глиняных сосуда из Шар-Шара⁶³. Все они лепные, имеют уплощенное дно и слабовыраженный венчик. Один сосуд формы, приближающейся к горшковидной, покрыт светлым желтоватым ангобом и от венчика до дна орнаментирован рядами горизонтальной елки, выполненной лощением. Второй сосуд, в форме миски, имеет красноватый цвет и незначительные следы лощения. Третий сосуд — глубокая чаша. Обе разновидности мисок могут быть сопоставлены с тулхарскими, но принадлежат к тем типам, которые продолжают бытовать на протяжении очень длительного времени: аналогии им могут быть указаны в могильнике Заман-Баба⁶⁴. Решающая роль в установлении хронологии комплекса принадлежит горшковидному сосуду. Форма его недостаточно выразительна, но лощеный елочный орнамент позволяет сопоставить его с материалами Сапал-Тепе⁶⁵ Бактрии и комплексами Намазга VI в Туркмении (поселения Улуг-депе⁶⁶, Намазга-депе⁶⁷), где известен такой прием орнаментации⁶⁸.

Еще несколько сосудов было обнаружено в 1941 г. на глубине 1,3 м у поселка текстильного комбината на восточной окраине гор. Душанбе. По сведениям, полученным И. С. Смолічевым доследовавшим место находки, было вскрыто содержавшее девять сосудов скорченное погребение головой на восток (по мнению А. И. Тереножкина — в катакомбе)⁶⁹. По данным, сообщенным в 1952—1953 г. в Душанбинском музее, было вскрыто три погребения, в том числе одна могила ребенка, лежавшего скорченно на правом боку головой на Восток. Все сосуды лепные, снаружи покрыты красноватым ангобом. Среди сосудов, с которыми я могла ознакомиться *de visu*, две открытых миски, один кубок с расширением в нижней части и небольшим поддоном и один вытянутых пропорций биконический сосуд с ребром в нижней части и кольцевым поддоном⁷⁰.

Наконец, при строительстве водохранилища около гор. Душанбе открыто скорченное на правом боку погребение, сопровождавшееся одним цилиндро-коническим сосудом из светло-желтой глины и одним красноглиняным биконическим сосудом на поддоне.

Каков возраст этих погребений? Кубок на поддоне и две миски из находок у тек-

⁶² Л и т в и н с к и й, Таджикистан и Индия; он же, Археологические открытия в Таджикистане..., стр. 122—126.

⁶³ Т е р е н о ж к и н, ук. соч., рис. 38, 1—3. Сосуды хранились в музее истории Таджикистана в гор. Душанбе, но в 1964 г. мне не удалось отыскать их.

⁶⁴ Г у л я м о в, И с л а м о в, А с к а р о в, Первобытная культура в низовьях Зерафшана, табл. XI, 1, 3, 4; XII, 1, 8, 10.

⁶⁵ А л ь б а у м, Памятник эпохи бронзы..., стр. 46.

⁶⁶ С а р п а н д и, Продолжение работ..., стр. 434.

⁶⁷ А. Я. Щ е т е н к о, Раскопки Тайчана-депе и Намазга-депе, «АО, 1968 г.», М., 1969, стр. 439.

⁶⁸ Орнаментация полосчатым лощением применялась в Хараппе, Гиссаре III и особенно Шах-Тепе II. Этот круг аналогий позволяет допускать, что комплекс из Шар-Шара может быть древнее Тулхарского. Этому выводу не противоречило бы сообщение В. Р. Чейлытко, А. А. Марущенко о том, что топор-тесло был найден совместно с сосудами. К той же ранней эпохе может относиться и погребение из могильника Туп-хона. (М. М. Д ь я к о н о в, Работы Кафирниганского отряда, МИА, № 15, 1950, стр. 157, 162—176).

⁶⁹ Т е р е н о ж к и н, ук. соч. стр. 76, рис. 38, 4, 5; Г. И. С м о л и ч е в, Погребения со скорченными костями в р-не гор. Сталинабада, «Изв. ТаджФАН СССР», 1949, вып. 15.

⁷⁰ В 1952—1953 гг. хранились в музее гор. Душанбе, в 1964 г. отыскать их не удалось. По А. И. Тереножкину было четыре биконических кружки (ук. соч., рис. 38, 4).

стильного комбината встречаются полные аналогии в могильнике Тулхар ⁷¹. Биконический же сосуд с текстильного комбината тождествен сосуду с водохранилища, и оба они по форме и пропорциям сходны с изготовленными на гончарном круге биконическими сосудами комплекса Намазга VI в Южной Туркмении ⁷². В тех же комплексах встречается полное соответствие и форма цилиндро-конического сосуда с водохранилища ⁷³. Это позволяет сделать вывод, что керамика из окрестностей гор. Душанбе подражает посуде Намазга VI и по времени либо синхронна ей, либо несколько более поздняя. Сходство же с посудой Тулхарского могильника, проявляющееся в единстве некоторых форм, технике ручной лепки и цвете поверхности позволяет говорить о культурной близости погребений.

А. М. Мандельштамом была аргументирована гипотеза о том, что носители бишкентской культуры были арийцами, точнее уже индоариями ⁷⁴. Новые археологические исследования пакистанских и итальянских археологов в Северо-Западном Пакистане подтвердили правоту этой этнической атрибуции. В раскопанных экспедицией Пешаварского университета под руководством А. Дани и Ф. Дуррани могильниках Тхана и Тимаргарха ⁷⁵ и изученных итальянской археологической миссией под руководством Дж. Туччи могильниках Буткара II, Кателай I, Лоебанр I и др. открыты погребения, по обряду и керамике во многом близкие бишкентским ⁷⁶. И в Бактрии и в Гандхаре прослеживаются хронологические изменения в обряде, представлены погребения в грунтовых ямах с углублением, ямах со спуском и в катакомбах со ступенчатым дромосом, в обеих областях могильники биритуальны — содержат и трупосожжения, и скорченные, в том числе парные погребения; там и здесь могилы на поверхности выложены камнем, иногда имеются каменные ящики, но в Гандхаре камень в конструкции погребальных камер используется значительно чаще, во многие могилы впущены цисты.

В обеих областях устраивались ритуальные погребения животных ⁷⁷. Ряд ведущих типов керамики могильников Пакистана по форме близко напоминает бишкентские: то горшки с шаровидным туловом и невысоким расширяющимся венчиком, часто использовавшиеся в Свате в качестве ури (тип А, по классификации Э. Кастальди); кринки с шаровидным туловом и вытянутым, расширяющимся горлом (тип F); специфичные кубки на поддоне (тип F₅), все варианты мисок (тип G_{1,2,3}) и незаконмерно отнесенные к мискам сосуды с расширением в нижней части и сужающимися кверху стенками (тип G₄), наконец, горшки без выраженной горловины (тип G₅) и цилиндрические сосуды (тип L). Что касается ритуальных ваз и бокалов на ножке, очень многочисленных в погребениях Свата, то в Тулхарском могильнике эта форма не найдена, однако, различные варианты бокалов и ваз, в том числе и весьма близкие к пакистанским, представлены в комплексах Намазга VI в Туркмении ⁷⁸ и в Бактрии на поселении Сапал-Тепе ⁷⁹.

⁷¹ М а н д е л ь ш т а м, Памятники эпохи бронзы, табл. XV, 1, 5—7; XIX, 3.

⁷² В. М а с с о н, Древнеземледельческая культура Маргяны, табл. I, 14; VIII, 9.

⁷³ Там же, табл. VI, 17; IX, 6; X, 5, 6.

⁷⁴ М а н д е л ь ш т а м, Памятники эпохи бронзы..., стр. 137—141.

⁷⁵ А. Н. Д а н и, F. A. D u r r a n i, A new Grave Complex in West Pakistan, «Asian Perspectives», The Bulletin of the Far-Eastern Prehistory Association, t. VIII, № 1, 1964; A. D a n i, F. D u r r a n i, A. R a h m a n, M. S h a r i f, Timargarha and Gandhara Grave Culture, Peshawar, 1968; «Ancient India», 1967, III.

⁷⁶ G. T u c c i, Preliminary Report on an Archaeological Survey in Swat, EW, IX, 1958; S. A n t o n i n i, Preliminary Notes on the Excavation of the Necropolis Found in Western Pakistan EW, XIV, 1963, стр. 13—27; D. F a c c e n a, A Guide to the Excavations in Swat (Pakistan), Roma, 1964; G. S t a c u l, Preliminary Report on the Pre-buddhist Necropolises in Swat (Pakistan), EW, XVI, № 1—2, 1966, стр. 37—69; E. C a s t a l d i, La necropoli di Katelai Nello Swat (Pakistan), Roma, 1968; G. S t a c u l, Excavation near Ghaligai (1968) and Chronological Sequence of Protohistorical Cultures in the Swat Valley (W. Pakistan), EW, v. 19, № 1—2, 1969; G. S t a c u l, Discovery of Protohistoric Cemeteries in the Chitral Valley (W. Pakistan), Там же; S. A n t o n i n i, Swat and Central Asia, Там же. Библиографию см. Е. Е. Р у з ь м и н а, Культура Свата и ее связи с Северной Бактрией (в печати).

⁷⁷ В Бактрии найдены кости барана, в Гандхаре — барана и коня.

⁷⁸ В. М а с с о н, Древнеземледельческая культура, табл. I, 1—3, 15—18, 20, 21; II, 5, 7; III, 2, 5—7; VII, 1—5; IX, 3, 10.

⁷⁹ А л ь б а у м, Памятник..., стр. 46, рис. 2.

Таким образом, совместное рассмотрение материалов бактрийских и гандхарских могильников приводит к заключению, что отмечаемое сходство погребального обряда и керамики достаточно полно, чтобы отражать, видимо не только и не столько хронологическое, сколько культурное и этническое родство. Каково происхождение этих родственных культур? Э. Кастальди, которой, к сожалению, остались неизвестны материалы из Таджикистана, высказала гипотезу, что часть населения, оставившего могильник Каталап, была родственна носителям культуры Тагискена и прошла из Хорезма в Южный Прикаспий, где то ли смешалась с потомками носителей культуры Гиссар III, то ли усвоила элементы этой культуры, а затем появилась в Пакистане, где ассимилировала субстратное население. Э. Кастальди признает генетическое родство андроновской, тагискенской и сакской культур и на основании этого предполагает иранскую принадлежность основной группы пришельцев в Каталап⁸⁰. С последним выводом нельзя безоговорочно согласиться.

Во-первых, в настоящее время в качестве вероятной гипотезы можно говорить о генетической связи срубной — позднесрубной (ивановской) и савроматской культуры⁸¹, и с еще меньшей степенью достоверности — о генетической связи андроновской (алакульской), позднеандоновской (алексеевской) и раннесакской культур. Историческое место Тагискена в этом ряду не ясно. По-видимому, носители культуры Тагискена близки не столько позднеандоновским, сколько бегазинско-дандыбаевским племенам: конструкция сырцовых мавзолеев напоминает план оград Бегазы — Дандыбая, там находят параллели многие типы посуды. Что же касается этнической принадлежности бегазинцев, то объективных данных в пользу того, что они иранцы, до сих пор приведено не было.

Во-вторых, сходство пакистанских могильников с Тагискеном сводится лишь к наличию там и здесь трупосожжений, серой керамики и инкрустации белой пастой. Сходство же с Тулхаром касается и основных, и специфических только для этих двух групп памятников черт материальной культуры, и, несомненно, гораздо более органично. Поэтому даже если бы была доказана иранская принадлежность тагискенцев, все равно этническая атрибуция людей, оставивших могильники Пакистана, определилась бы тем, к какой группе индоевропейских племен принадлежит население Северной Бактрии. А. М. Мандельштам, опираясь на развернутую аргументацию, определяет принадлежность носителей бишкентской культуры как индийскую. Сходство погребального обряда в могильниках Таджикистана и Свата с ритуалом ведических ариев дает основание считать и основную группу населения Свата индийцами по языку, пришедшими из Средней Азии. По вопросу о происхождении бишкентской культуры А. М. Мандельштам высказывается очень осторожно, допуская, что на ее формирование могли повлиять контакты двух групп скотоводческого населения: потомков носителей культуры Заман-Бабы, практиковавших катакомбный обряд захоронения, и той группы андроновских племен, у которых был распространен обряд трупосожжения⁸². К традициям заман-бабинской культуры могут восходить типы горшковидных, цилиндрических сосудов и мисок и некоторые украшения (лопаточковидные булавки, круглые зеркала); с влиянием андроновцев связано распространение культа огня, некоторые типы бронзовых ножей, а также, добавим от себя, применение камня в конструкции погребальных сооружений, каменных ящиков и цист⁸³. Это степное по своему генезису население, как считает А. М. Мандельштам, вело скотоводческое хозяйство и находилось в контакте с земледельцами, развивавшими традиции культуры Намазга VI. От последних в Тулхар поступила изготовленная на гончарном круге керамика, которая вызвала местные подражания.

⁸⁰ Castaldi, ук. соч., стр. 610—616.

⁸¹ К. Ф. Смирнов, Проблема происхождения ранних сарматов, СА, 1957, № 3.

⁸² Мандельштам, Памятники эпохи бронзы..., стр. 136—141.

⁸³ Памятники степной культуры андроновского круга известны на Памире. Погребения по обряду трупоположения или трупосожжения совершены в ямах с каменной обкладкой стен и снаружи обведены каменной оградой (Литвинский, История и культура..., стр. 13).

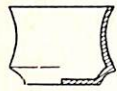
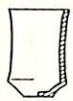
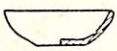
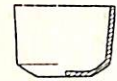
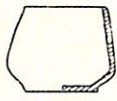
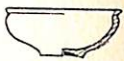
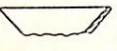
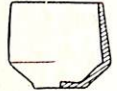
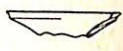
Тип Комплекс	I	II	III	IV	V	VI
Кобаджан I						
Случайные находки в Таджикис- тани						
Тулзар						
Намазга VI						

Таблица. Развитие типов гончарной керамики в Северной Бактрии

Б. А. Литвинский по-иному оценивает наличие в вахшских могильниках импортной гончарной и лепной посуды, подражающей типам Намазга VI. Он признает на этом основании генетическую связь вахшской культуры с культурой Намазга VI на Мургабе ⁸⁴. С последним выводом нам кажется трудным согласиться, поскольку наличие импортов отражает лишь культурное влияние, а не этническое родство. Ремесленная гончарная керамика не может служить столь же надежным индикатором этнической принадлежности, как лепная керамика, элементы орнамента и детали погребального обряда, поскольку распространение таких культурных достижений как земледелие, скотоводство, металлургия и гончарный круг осуществляется посредством не столько этнических передвижений, сколько культурных влияний ⁸⁵. Поэтому

⁸⁴ Литвинский, Археологические открытия в Таджикистане, стр. 125, сл. Б. А. Литвинский ищет также зарождение в культуре Намазга VI обряда трупосожжения на основании единственного погребения в могильнике Янги-кала. Однако следует подчеркнуть, что для земледельческих культур эпохи бронзы обширного ареала Евразии этот обряд не был характерен и, наоборот, он практиковался скотоводами в зоне евразийских степей и его роль возрастала к концу эпохи бронзы.

⁸⁵ Принципиально отличная точка зрения выражена И. Н. Хлопиным, который считает, что под давлением избыточного населения в зоне древнейших земледельческих культур происходит вторая сегментация племен, часть древних земледельцев превращается в скотоводов и отселяется на периферию ойкумены, где ассимилирует местное население и навязывает ему свой язык (И. Н. Хлопин, Возникновение скотоводства и общественное разделение труда в первобытном обществе в сб. «Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма», М., 1970, стр. 94—112; он же, Проблемы происхождения...). Умозрительная концепция И. Н. Хлопина противоречит данным археологии и лингвистики. В частности, на основании анализа керамической традиции и погребального обряда установлен генезис андроновской культуры, слагающейся на основе неолитических культур Казахстана и Урала.

представляется, что на современном этапе наших знаний нет достаточных оснований предполагать этническое родство носителей бishкентской культуры и культуры Намазга VI на Мургабе. Однако открытие катакомбного обряда на Сапал-Тепе позволяет думать, что земледельческое население Бактрии (во всяком случае, часть его) может быть и было генетически родственно бishкентскому. Но пока эти гипотезы столь же соблазнительны, сколь мало доказательны.

Существенно только подчеркнуть, что в то время, как Парфия, Маргиана, Южная и Западная Бактрия и Арахозия были захвачены носителями культуры эпохи варварской оккупации, где-то в глубинных районах северной Бактрии продолжало обитать земледельческое население, развивавшее традиции культуры Намазга VI. Поселения этих племен, относящиеся к концу эпохи бронзы, пока не открыты, но находка в бishкентских могильниках импортной, изготовленной на гончарном круге посуды, резко отличной от основной массы лепной, приводит к естественному заключению о соседстве двух групп населения, поддерживавших контакты. Гончарная керамика Бактрии эпохи поздней бронзы сохраняет традиции ремесленной посуды Намазга VI (см. таблицу). Сосуды изготовлены на гончарном круге быстрого вращения⁸⁶. Известна также группа керамики, сформированной от руки, но по форме и ангобу подражающей гончарной. Наружная поверхность покрыта беловатым ангобом — характернейшая деталь, резко отличающая посуду Бактрии, Маргианы и Парфии от персидской и индийской эпохи бронзы и раннего железа. В комплексе Намазга VI находят прототипы и соответствия керамика из могильников бishкентской культуры: миски, горшковидные, биконические, цилиндро-конические и цилиндрические сосуды⁸⁷.

Представляется, что именно в этом комплексе гончарной керамики Бактрии, сохраняющей в эпоху поздней бронзы традиции Намазга VI, следует искать прототипы керамики второй четверти I тыс. до н. э. Этот керамический комплекс был широко распространен в земледельческих областях Средней Азии: в Северной Бактрии (комплекс Кобадиян I представлен материалами городища Калаи-мир⁸⁸, Кучук III, Болдай-Тепе⁸⁹), Южной Бактрии (где керамика этого типа выделена М. М. Дьяконовым среди материалов, найденных французской археологической миссией в Балхе⁹⁰), Согде (Афрасиаб I)⁹¹; Хорезме (Кюзели-гыр, Динилильдже⁹²); Парфии (Анау IV)⁹³,

⁸⁶ М а н д е л ь ш т а м, Памятники эпохи бронзы..., стр. 67—68, 134.

⁸⁷ С р. М а н д е л ь ш т а м, Памятники эпохи бронзы..., табл. XII, 3—8; XIII, XIV (на гончарном круге) и XI, 7; XV, 2—4 и биконические и цилиндрические сосуды душанбинских могильников с типами Намазга VI: В. М. М а с с о н, Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина, Труды ЮТАКЭ, VII, Ашхабад, 1956, стр. 307, сл., табл. XXXVIII—XXXIX; о н ж е, Древнеземледельческая культура Маргианы, табл. I, 1, 3, 14; V, 6; VI, 15, 17; VII, 8, 10; VIII, 2, 4—6, 9; IX, 1, 4—7, 9, 11; X, 1, 2, 5, 6.

⁸⁸ М. М. Д ь я к о н о в, Археологические работы в нижнем течении р. Кафирниган (Кобадиян) 1950—1951 гг., МИА, № 37, 1953, стр. 279—282; о н ж е, Сложение классового общества в Северной Бактрии СА, XIX, 1954, стр. 121—140.

⁸⁹ А л ь б а у м, К датировке..., стр. 72—79, рис. 1—2.

⁹⁰ D. S c h l u m b e r g e r, La prospection archéologique de Bactres, «Syria», t. 26, pt 3/4, 1949, стр. 180—181, рис. 6; J. C. G a r d e n, Ceramiques de Bactres, MDAFA, XV, P., 1957, стр. 93, 107, 108. Выделение комплекса — М. Д ь я к о н о в. Сложение классового общества, стр. 134 сл., 138; М а н д е л ь ш т а м, О некоторых результатах работ..., стр. 421.

⁹¹ А. И. Т е р е н о ж к и н, Согд и Чач, КСИМК, XXXIII, 1950, стр. 155—156.

⁹² С. П. Т о л с т о в, Древности Верхнего Хорезма, ВДИ, 1941, № 1, о н ж е, Городища с жилыми стенами, КСИМК, XVII, 1947, стр. 3—9; о н ж е, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 79—80; о н ж е, По следам древнехорезмийской цивилизации, М., 1948, стр. 93; о н ж е, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг., СА, 1958, № 1, стр. 116—118; о н ж е, По древним дельтам Окса и Яксарта, М., 1962, стр. 96—109; М. Г. В о р о б ь е в а, Керамика с городища Кюзели-гыр, ТХЭ; II, М., 1958, стр. 329—346; о н ж е, Керамика Хорезма рабовладельческой эпохи, КСИЭ, XXI, 1955, стр. 73—75; о н ж е, Керамика Хорезма античного периода, ТХЭ, IV, М., 1959, стр. 66—84.

⁹³ R. P u m p e l l y, Explorations in Turkestan, I, стр. 145—149, рис. 220—233.

Елькен III ⁹⁴); Маргиане (Гяур-кала ⁹⁵, Эрк-кала ⁹⁶, Яз II ⁹⁷). Несмотря на некоторые хронологические и локальные различия, посуда этих памятников характеризуется применением одинаковых производственных приемов и единством форм ⁹⁸. Сосуды, как говорилось, изготовлены на круге быстрого вращения, снаружи покрыты беловатым ангобом. Все ведущие типы, независимо от размеров и назначения сосуда, имеют цилиндро-коническую форму.

По целому ряду определяющих признаков ремесленная посуда Средней Азии второй четверти I тыс. до н. э. близко родственна намазгинской. При ее изготовлении применялся гончарный круг быстрого вращения, обжиг производился в горнах, по конструкции аналогичных намазгинским ⁹⁹. Наличие ребра, отделяющего резко суженную придонную часть и придающего очень специфичную цилиндро-коническую форму, столь же присуще посуде раннежелезного века, как и намазгинской. Все ведущие типы среднеазиатской керамики раннежелезного века: хумы с подкошенным дном, горшки, миски, кубки и цилиндро-конические сосуды имеют полные аналогии или прототипы в Намазга VI. Применяется и традиционный для намазгинской керамики белый ангоб. Таким образом, традиции керамического производства Намазга VI полностью сохраняются.

Ряд исследователей, именуя среднеазиатский комплекс эпохи раннего железа ахеменидским, признавал, что его распространение связано с ахеменидским завоеванием и включением земледельческих областей Средней Азии в состав державы Ахеменидов. Детальное сопоставление среднеазиатской посуды с керамикой ахеменидских комплексов Ирана приводит к противоположному заключению. Производственные навыки гончаров ахеменидского Ирана имеют мало общего со среднеазиатскими. В Персеполе найдены горшки с округлым плечом и отогнутым венчиком, крынки, кувшины с ручкой и носиком, чайники, миски, фляги ¹⁰⁰. В Сузах наряду с этими типами многочисленны кубки на поддоне, двуручные сосуды и ритуальные фигурные изделия с росписью, сохраняющей традиции Силк VI ¹⁰¹. Наружная поверхность залощена и имеет красно-коричневый или серый цвет, изредка покрыта глазурью в подражание вавилонской керамике, в редких случаях встречается нарезной геометрический орнамент ¹⁰².

Таким образом, как покрытие поверхности беловатым ангобом, так и ведущие формы цилиндро-конических сосудов земледельческих областей Средней Азии ахеменидской эпохи не имеют ни аналогов, ни прототипов в Иране, что позволяет отвергнуть гипотезу о том, что керамический комплекс раннежелезного века в Средней Азии был распространен Ахеменидами, принесшими его из Ирана. Напротив того,

⁹⁴ Марущенко, ук. соч., стр. 65—74, табл. XXVI—XXXVII.

⁹⁵ Б. Б. Пиотровский, Разведочные работы на Гяуркале в Старом Мерве, «Материалы ЮТАКЭ», вып. I, Ашхабад, 1949, стр. 35—41; К. К а ц у р и с, Ю. Б у р я к о в, Изучение ремесленного квартала античного Мерва у северных ворот Гяуркалы, ТЮТАКЭ, XII, Ашхабад, 1963, стр. 121, рис. 3.

⁹⁶ З. И. У с м а н о в а, Эрк-кала, ТЮТАКЭ, XII, Ашхабад, 1963, стр. 27—28, рис. 6.

⁹⁷ В. М. М а с с о н, Древнемаргианское поселение Яз-депе, ИАН ТуркССР, 1955, № 3; он же, Поселения поздней бронзы и раннего железа в дельте Мургаба, КСИИМК, вып. 64, 1954; он же, Древнеземледельческая культура Маргианы, стр. 39—40, табл. XXXIV—XL.

⁹⁸ Сходные по форме цилиндро-конические сосуды Мундигак VII, отличаются красно-оранжевым или серым цветом их поверхности (C a s a l, ук. соч., I, стр. 96, 105, II, рис. 124—125). Проследивается сходство и с цилиндро-коническими сосудами Над-и-Али (G h i r s m a n, Fouilles..., стр. 10—22, рис. 2).

⁹⁹ М. Г. В о р о б ь е в а, Гончарные печи античного Хорезма, КСИЭ, XXVI, 1957.

¹⁰⁰ E. S c h m i d t, Persepolis, II, Chicago, 1957, стр. 96, табл. 71—73.

¹⁰¹ R. G h i r s h m a n, Village Perse — achéménide, MMAI, t. XXXVI, P., 1954, стр. 21—29, 62, табл. X—XIV; XXV—XXXIV; Suse, campagne de fouilles 1962—63, «Arts Asiatiques», X, 1964, № 1, стр. 6, рис. 14.

¹⁰² R. B o e h m e r, Takht-i Suleiman und Zendai-i Suleiman, Grabungsbericht 1963—1964, «Archaeologische Anzeiger», 80, 1965, Ht. 4.

проведенное сопоставление с керамикой Намазга VI дает твердое основание признать местный, среднеазиатский генезис этого комплекса. Вопрос о том, в каких именно областях происходило его формирование, в настоящее время еще не может быть решен окончательно ввиду неравномерной изученности областей. Однако высказывавшаяся рядом исследователей гипотеза о том, что он сложился в Южном Туркменистане в результате возрождения древних традиций¹⁰³, по-видимому, нуждается в уточнении, поскольку и в Парфии, и в Маргиане, так же как в Южной и Западной Бактрии, развитие культуры Намазга VI было прервано варварской оккупацией, при которой на несколько столетий были утрачены традиции гончарного производства¹⁰⁴, а потому процесс возвращения к забытой технике и вышедшим из употребления формам представляется маловероятным и механика его не ясна. Что касается Хорезма и Согда, то в настоящее время нет данных о распространении там культуры Намазга VI в эпоху развитой и поздней бронзы (хотя для Согда, во всяком случае, возможность открытия в дальнейшем памятников типа Намазга VI вероятна).

Таким образом, на современном этапе лишь для отдельных районов Бактрии можно констатировать наличие земледельческой культуры, развивавшей традиции Намазга VI в эпоху поздней бронзы, и на этом основании включать Бактрию в область формирования среднеазиатского керамического комплекса раннежелезного века.

Вывод о существовании в Северной Бактрии в предахеменидскую эпоху земледельческой культуры и развитого ремесленного производства¹⁰⁵ позволяет вновь обратиться к античной традиции о бактрийском государстве VIII в. до н. э. и отметить в этой связи несколько моментов в рассказах Диодора о войне ассирийского царя Нина и царицы Семирамиды с бактрийским царем¹⁰⁶.

1. Бактрия была богатой и развитой страной (Diod., II, 5—7). Археологически это подтверждается наличием керамики, изготовленной на гончарном круге, многочисленных металлических изделий и бус, указывающих на развитое ремесленное производство и, следовательно, на существование городских центров, где оно сосредотачивалось.

2. Столица Бактрии — город Бактры (Diod., II, 6) — имела оборонительные стены и цитадель. И стены, и цитадель городища Бактр-Балха были прослежены при археологических раскопках¹⁰⁷.

Таким образом, данные археологии показывают, что в произведениях античных авторов отразился действительный общий уровень развития культуры древней Бактрии. Причем производительные силы достигли той стадии, когда создались предпосылки для формирования государства (археологическим отражением чего является развитое ремесленное производство и товарообмен). А это позволяет нам принять и свидетельство письменных источников о наличии в Бактрии государственного объединения.

Что касается легенды о войне Семирамиды в Бактрии¹⁰⁸, к которой исследователи относятся особенно критически, то пока мы не располагаем археологическими подтверждениями похода ассирийцев на восток.

¹⁰³ Марущенко, ук. соч., стр. 68—69.

¹⁰⁴ Прослеженная генетическая связь комплексов Намазга VI и ахеменидского времени и отмеченные резкие отличия комплекса эпохи варварской оккупации не позволяют рассматривать изменения в керамике Южной Туркмении лишь как результат хозяйственно-экономического развития и роста технических возможностей (В. М а с с о н, Древнеземледельческая культура Маргианы, стр. 39).

¹⁰⁵ Ремесленники Северной Бактрии изготавливали не только посуду на гончарном круге, но и металлические изделия и бусы, импортные экземпляры которых также найдены в могилах бактрийских скотоводов бишкентской культуры (М а н д е л ь ш т а м, Памятники эпохи бронзы..., стр. 134).

¹⁰⁶ D i o d., II, 3—19; ср. J u s t., I, 1; М о н с е й Х о р е н с к и й, I 15.

¹⁰⁷ К. Y o u n g, The South Wall of Balch-Bactra, AJA, 59, 1955; D. S c h l u m b e r g e r, La prospection archeologique de Bactres, «Syria», 26, 1949, № 3/4.

¹⁰⁸ И. М. Д ь я к о в, История Мидии, М.—Л., 1956, стр. 169, 357; G. S a m e r o n, History of Early Iran, Chicago, 1936, стр. 174; Л и в ш и ц, ук. соч., стр. 155.

Подводя итог, можно констатировать, что в Северной Бактрии развитие земледельческой культуры прослеживается с достоверностью с конца III тыс. до н. э., а по некоторым данным восходит еще к середине этого тысячелетия. Сложение этой культуры происходит под непосредственным воздействием земледельцев Южного Туркменистана, группа которых переселилась в Бактрию, по-видимому, из Маргианы, принося навыки земледелия, скотоводства, домостроительства, гончарства и металлургии. Эти культурные достижения передовой древневосточной цивилизации были восприняты местным населением, перешедшим к производящему земледельческому хозяйству. Земледельческое население сосуществовало с группами скотоводов. Около рубежа II—I тыс. до н. э., на территории Бактрии происходит существенные этнические передвижения: появляются различные группы по преимуществу скотоводческих племен (носители культуры эпохи варварской оккупации, бешкентской, аруктауской). Есть основания предполагать индийскую принадлежность одной из этих групп (бешкентской) и считать, что она в дальнейшем переселилась в Индостан, где ею оставлены могильники в Свате. Вторжение носителей культуры эпохи варварской оккупации прервало на большей части территории Бактрии развитие бактрийского варианта культуры Намазга VI, в других же областях Бактрии традиции Намазга VI продолжали развиваться местным земледельческим населением, что привело к сложению в конце первой четверти I тыс. до н. э. на местной основе комплекса Кобадиян I, характеризующего культуру Северной Бактрии в ахеменидскую эпоху. Возможно, что именно из Бактрии этот комплекс в дальнейшем распространился в другие земледельческие области Средней Азии¹⁰⁹.

В свете археологических данных о материальной культуре Бактрии во второй четверти I тыс. до н. э. (наличие городов с крепостными стенами и цитаделью, высокий уровень развития ремесленного производства, в том числе гончарного) сообщения античных авторов о могуществе и величии древней Бактрии должны рассматриваться не как «мираж», а как научно установленный факт, дающий основание принять в качестве гипотезы свидетельства письменных источников о существовании в этой стране государственного объединения в доахеменидскую эпоху¹¹⁰.

Е. Е. Кузьмина

EARLY STAGES IN THE EVOLUTION OF NORTH BACTRIAN CULTURE

by E. E. Kuzmina

Excavations by Soviet archaeologists in North Bactria have made it possible to trace the cultural evolution of that region from the Bronze Age. Material found at Sapaltepe (L. I. Albaum, A. A. Askarov) and in the settlement and sepulchre at Mirshade show that a type of land-tillers' culture akin to the South Turkmenian culture of Namazg VI was evolving in Bactria in the II millennium B. C. Land-cultivators coexisted with groups of cattle-breeders connected with the Eurasian steppe cultures. A Bishkent cattle-breeding culture has been identified by A. M. Mandelshtam and V. A. Litvinsky. The burial ceremony (burial and cremation of bodies in pits and catacombs) and the ceramic

¹⁰⁹ В. А. Лившиц (ук. соч., стр. 157—159) на основании анализа греческих и персидских источников допускает, что в состав бактрийского объединения входили Маргиана и Согд.

¹¹⁰ И. Марквартом, В. Хеннингом и И. Гершевичем на основании авестийской традиции выдвинута поддержанная С. П. Толстовым и И. В. Пьянковым гипотеза о существовании в Средней Азии и другого крупного политического объединения во главе с Хорезмом (С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 20—21, 341; И. В. Пьянков, К вопросу о сфере влияния доахеменидского Хорезма, ВДИ, 1967, № 1), J. Markwart, Wehrot und Arang, Leiden, 1938; стр. 10; W. Henning, Zoroaster: Politician or Witch-doctor, L., 1951, стр. 42—43; J. Gershevitch, The Avestian Hymn to Mythra, Cambr., 1959, стр. 14—21 296—299.

complex have close analogies in the burials of North-West Indostan (Gandhara, Swat), which allows the inference of an ethnic relationship between these two groups and a migration from Central Asia. Near the turn of the II—I millennia considerable ethnic movements took place in Bactria. On most of its territory, as in Margiana and Parthia, the development of the Namazg VI culture was interrupted by the penetration of an Anau-type culture of the epoch of barbarian occupation (Yaz-depe I — Kuchuk II). Pottery analysis shows that this was an immigrant culture, genetically connected neither with the Namazg VI culture nor with the culture of the northern cattle-breeding tribes of the Tazabagyab-Srubno-Andronov type. In the late Bronze Age in some parts of Bactria the traditions of a land-tillers' culture of the Namazg VI type continued to evolve. This is attested by finds of imported and imitation Namazgine ware in the burials of the Bishkent culture. Developing Namazg VI pottery techniques in the second quarter of the I millennium led to the formation of the Kobadian I ceramic complex, typical of North Bactrian culture in the Achaemenid period. Comparison of this ceramic complex with contemporary ceramic complexes in Central Asia and Iran shows that its diffusion was not connected with the influence of Achaemenid Iran following the inclusion of the land-tilling areas of Central Asia in the Achaemenid empire, but evolved from the further development of the local Namazg VI ceramic complex. The archaeologically attested high level of development of production forces, in particular of pottery techniques, in pre-Achaemenid Bactria supports the ancient tradition about the political unification of Bactria.

РАСПИСНАЯ РОДОССКО-ИОНИЙСКАЯ ОЙНОХОЯ ИЗ КУРГАНА ТЕМИР ГОРА

Ойнохоя из кургана Темир Гора, о которой пойдет речь в этой статье, по общему мнению исследователей, принадлежит к лучшим в художественном отношении образцам родосско-ионийской керамики. Не удивительно, что этот сосуд привлекает внимание как искусствоведов, так и археологов: первых он интересует как шедевр художественного творчества, вторых — как наиболее ранний образец родосско-ионийской керамики, привезенный на нашу территорию первыми греческими купцами или колонистами. Вопросы датировки, места изготовления сосуда, его принадлежности к той или иной стилистической группе не могут считаться чисто искусствоведческими проблемами — они важны также для изучения греческой колонизации Северного Причерноморья.

Ойнохоя была найдена при раскопках кургана Темир Гора под Керчью в 1870 г.¹ В кургане Темир Гора обнаружено несколько разновременных погребений и ряд кострищ. Погребение, в котором найдена ойнохоя, наиболее раннее. Оно содержало человеческий костяк, окруженный вещами. Кроме расписной ойнохоя, интересующей нас, там было несколько изделий из кости: резные украшения в скифском зверином стиле² и бронзовый стержень в золотой обкладке. Т. Н. Книпович считает это погребение местным³, К. Шефолд называет его скифским⁴. Очевидно, ойнохоя была куплена у греческих купцов и положена в качестве особо ценного предмета в могилу. Наличие

¹ ОАК 1870—1871 г., стр. 178.

² В. А. Ильинская, Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля, СА, 1965, № 1, стр. 105; G. B o r o v k a, Scythian art, L., 1928, стр. 74, 99, табл. 32, а, с. Г. Боровка считает, что костяные резные украшения из Темир Горы являются наиболее ранними примерами скифского звериного стиля.

³ Т. Н. Книпович, К вопросу о торговых сношениях греков с областью реки Танаис в VII—V вв. до н. э., ИГАИМК, вып. 104, 1935, стр. 106.

⁴ К. S c h e f o l d, Der skythische Tierstiel in Südrusland, ESA, XII, 1938, стр. 7.